

ПРЕДЕЛЫ ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В КАНОНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ IV

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад
Троице-Сергиева Кавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А., прот.* Пределы церковной юрисдикции в канонической теории папы Иннокентия IV // Праксис. 2021. № 2 (7). С. 105–116. DOI: 10.31802/PRAXIS.2021.7.2.007

Аннотация

УДК 348.1/7

В статье анализируется каноническая теория римского понтифика XIII столетия Иннокентия IV, автора посланий св. кн. Александру Невскому. Один из теоретиков общего права, активный участник конкурентной борьбы средневековых понтификов с претензиями светской власти на лишение Церкви института *sui iuris* и её подчинения императору папа Иннокентий IV в своих посланиях и трактатах определял те пределы церковной юрисдикции, вынужденный отказ от которых на средневековом Западе привел к упадку института папства в Новое время.

Ключевые слова: папство, каноническое право, церковная юрисдикция, империя, папа Иннокентий IV, императора Фридрих II, князь Александр Невский.

Boundaries of Ecclesiastical Jurisdiction in the Canonical Theory of Pope Innocent IV

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head of the Department of Church Practical Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov, Alexander, archpriest. "Boundaries of Ecclesiastical Jurisdiction in the Canonical Theory of Pope Innocent IV". *Praxis*, № 2 (7), 2021, pp. 105–116 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2021.7.2.007

Abstract. The article analyzes the canonical theory of the 13th century Roman pontiff Innocent IV, the author of the epistles of St. Prince Alexander Nevsky. One of the theorists of common law, an active participant in the competition of medieval pontiffs with claims of secular power to deprive the Church of the institution of *sui iuris* and its subordination to the emperor, Pope Innocent IV in his messages and treatises determined those limits of church jurisdiction, the forced rejection of which in the medieval West led to the decline of the institution of the papacy in modern times.

Keywords: papacy, canon law, church jurisdiction, empire, Pope Innocent IV, Emperor Frederick II, Prince Alexander of Nevsky.

В год 800-летия со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского вполне уместно вспомнить известный эпизод с его отказом вступить в дипломатические отношения (иногда описываемых как конфессиональное подчинение) с папским Римом. При этом историками зачастую игнорируется идеологическая составляющая «папского предложения», отраженная в известных посланиях римского понтифика к русскому великому князю. Между тем, речь идёт не о рядовом средневековом папе, но о знаменитом канонисте, богослове и церковном политике Иннокентии IV, чья деятельность повлияла на судьбы христианского запада вообще и развитие канонической науки в частности.

Именно последний аспект зачастую оставался в тени, хотя и ему было посвящено несколько работ⁵⁵. Как в своих сочинениях, так и в практической деятельности папа Иннокентий IV придерживался разработанной его предшественниками теории полного обладания папой властью светской и духовной (*plenitudo potestatis*), однако при этом именно он попытался установить пределы церковной юрисдикции *pri делегировании* властных полномочий от Церкви Империи.

Рассмотрение этих взглядов Иннокентия IV может помочь по-новому взглянуть как на цели папского обращения к св. кн. Александру Невскому, так и на риторику папских посланий.

Прежде всего, необходимо отметить изначальное нежелание римского понтифика идти на прямой конфликт с императорской властью. Сама возможность такого конфликта должна была нейтрализоваться представлением о наделении понтифика правами Божьего местоблюстителя, из чьей власти выводятся все ветви власти земной (церковной, королевской и полиюрисдикционной судебной). Не может быть конфликта там, где сама власть получена от папского престола, объединяющего верховного земного судию, первосвященника и истинного правителя Рима. Подобная презентация папской власти служила профилактикой для любого выступления против её действий, поскольку такое выступление автоматически относило его носителей в стан противников Христовой Церкви, в лагерь антихриста.

«Будучи делегированной, — поясняет исследователь генезис такого взгляда у Фомы Аквинского, — политическая власть может быть

55 В частности, см. работы: *Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послание папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. П., 1988. № 20. С. 92–114; *Казбекова Е. В.* Вклад Иннокентия IV в развитие канонического права XIII в. (на материале Новелл) // Средние века. Вып. 64. М., 2003. С. 105–126.

отнята у светского правителя по воле Папы. Подчиненность государства Церкви основывается на утверждении, что светская власть не отличается от духовной власти по своему происхождению: светская власть есть дар высшей церковной инстанции, поэтому она в конечном счете восходит к духовной власти Папы»⁵⁶. Такие претензии неизбежно требовали канонического обоснования, которое было дано не в области теоретической юриспруденции (а практически — в теологии), а ради необходимых новаций в правоприменении. В частности, требовалось объяснить исключительный статус папских легатов, не подчинявшихся ни одному епископу, кроме самого понтифика. Их экстерриториальный правовой статус требовал обоснования, в свою очередь, требовавшего нового развития канонического права.

В конце концов, именно эта частная проблема приведет к выработке понятия *юридического лица*, чья разработка также принадлежит трудам папы Иннокентия IV. Это и не удивительно, если вспомнить, что до избрания на папский престол 25 июня 1243 он успел, окончив Болонский университет и пройдя судебную практику, побыть легатом Северной Италии, где неизбежно должен был столкнуться с коллизией прав трёх главных сил — папской власти, близких владений императора и коммунами ломбардских городов-республик.

Уместно вспомнить, что наличие третьего (после папы и императора) элемента в расстановке политических сил — итальянских республик, — делала утопическими все проекты объединения итальянских земель как в гвельфовском, так и в гибеллиновском проектах, в том числе и самый знаменитый из последних, выраженный в дантовской «Монархии». Там поэт отрицает саму возможность включения в церковную юрисдикцию возможность санкционировать власть римского императора — ни от Бога, ни от себя, ни от другого монарха, ни от совокупности всех участников политики. «Никакой другой щёлки, — иронизирует поэт, — сквозь которую эти полномочия могли бы просочиться до Церкви, нет. Но ни один из перечисленных источников Церкви подобных прав не давал; следовательно, она вышеупомянутых полномочий не имеет»⁵⁷.

Действительно, обращение к легендарной передаче императором Константином своих властных полномочий папе Сильвестру не только во времена Данте (развенчивающего этот эпизод на последних

56 Суини М. Лекции по средневековым философии. Выпуск 2. Средневековая политическая философия Запада. М., 2006. С. 158.

57 Данте Алигьери. Монархия. / Пер. В. Зубова. М., 1968. С. 358.

страницах «Монархии»), но и во времена Фридриха II выглядело уже не столько серьезным аргументом, сколько ничего не значащим курьёзом. Иннокентию IV пришлось выйти за рамки апелляции к авторитету (с неверифицируемой степени достоверности) в сторону поиска более прагматических и юридически обоснованных аргументов в пользу собственной канонической теории. Именно это способствовало выведению канонического права на самостоятельные пути, лишь генетически связанные с собственно богословско-исторической почвой.

Как поясняет К. Скиннер, «Данте решил возложить все свои надежды на императора, поскольку видел в этом единственный способ спасти Regnum Italicum от затянувшегося господства ненавистного папы. Однако с точки зрения ломбардских и тосканских республик, ревниво оберегающих свои свободы, предложение Данте едва ли могло выглядеть заманчивым решением их затруднений»⁵⁸.

Однако именно кажущаяся способность к переговорам и компромиссам легата Синибальдо Фьески стала одним из главных аргументов при его избрании римским понтификом. При этом главный враг его понтификата, император Фридрих II Штауфен вынужден был признать, что потерял друга кардинала и обрел врага — папу, поскольку даже в самом имени нового папы невозможно было не увидеть преемственность классической папской теократии.

Эта преемственность подчёркивалась папой Иннокентием собственным каноническим творчеством на всём протяжении его понтификата. Итог этих трудов — комментарий «Apparatus» на «Liber Extra» Григория IX не только имел значение для развития средневековой декресталистики, но и содержал те теоретические выкладки, благодаря которым папа Иннокентий и определил границы церковной юрисдикции.

Характерно, что перечислении вин самого Фридриха при его очередном отлучении от Церкви на Лионском соборе буллой «Ad apostolice» от 17 июля 1245 г., папа Иннокентий IV начинает не с ереси, но с неисполнения клятв и договоров, что совершенно логично для юриста, но не богослова. Эти обвинения и последовавший за их признанием интердикт достиг прямо противоположной цели — император Фридрих почувствовал себя свободным от божественных и человеческих законов, коль скоро он оказался вне правового поля.

Однако удивительным образом в точно таком же положении оказался и противник императора, не стеснявшийся теперь нарушить

58 Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1. М., 2018. С. 46.

ради его уничтожения нарушать то самое право, создателем которого он сам и являлся. Политические и финансовые ресурсы, используемые папой для достижения своей цели, всё более превращали Церковь не просто в политический институт, а в *единственно легальный* институт, делегирующий другим политиям лишь временные права. Как патетически восклицает в своём классическом исследовании Э. Канторович, папе Иннокентию «ни разу не довелось заглазить хотя бы один из своих поступков, попиравших нормы канонического права. Иннокентий IV не был лицемером и просто не придавал значения поддержанию некоей видимости. Та невозмутимость, с которой он нарушал, обходил и менял правила, привнесла в действия папства тот «маккиавеллизм», с которым ради вполне земных целей совершенно одинаково обходятся и с людским, и с божественным правом. Вне сомнений, это был новый тип папы, у которого было мало что общего с воинственными папами-кесарями»⁵⁹.

Было бы ошибкой видеть в этих упомянутых историком нарушениях лишь сознательный обход действующих норм. Речь должна идти именно о пересмотре юрисдикционных пределов церковной власти. Для Иннокентия IV такой пересмотр не являлся отходом от канонической традиции — ведь он сам эту традицию и создавал⁶⁰. При этом, ели поначалу ему приходилось лишь реагировать на вызовы, доставшиеся ему по наследству от предыдущих понтификов (прежде всего — конфликт с императором), то в дальнейшем он действует на опережении и вступает в заочную полемику с императорским представлением о месте Церкви в пределах государства.

Важно подчеркнуть, что эта полемика касается именно императорских представлений — аналогичные взгляды французского короля, главы Никейской империи, хана монголов и русских князей попадают в орбиту внимания Иннокентия IV *после* формирования его отношения к власти императора. Этот принципиально важный момент зачастую упускается исследователями, что приводит к неверным выводам о характере тех же посланий понтифика святому князю Александру.

В чём состояла доктрина императора Фридриха? Прежде всего — в обосновании автогенезиса собственной власти. В период, пришедший на срединную точку двух своих отлучений от Церкви, в начале

59 Канторович Э. Император Фридрих II. / Пер. с нем. Л. Ланника и И. Стребловой. СПб., 2022. С. 640.

60 Этим, например, можно объяснить позволение потратить собранные на очередной крестовый поход средства на борьбу с отлученным (то есть также *неверным*) императором.

30-х гг. XIII столетия, Фридрих создаёт свои знаменитые «Мельфийские конституции» (известны также как *Liber Augustalis*) — квинтэссенцию средневековых представлений о месте императора в Божием мироздании. Кроме того, этот труд — одна из первых попыток создания общего европейского права, в котором предшествующие юридические традиции — римское и каноническое право, обычное варварское и феодалное право, — равны как источники и материал для нового правотворчества. «Такие сложные источники, — отмечают современные исследователи, — в свою очередь, затрудняют прочтение всего проекта в целости, но государь прекрасно это понимает и заявляет, что функции законодателя подобны функциям Бога»⁶¹. Эта мысль, впрочем, встречается и в предвещающей Дигесты конституции св. императора Юстиниана, также бывшего ролевой моделью для итальянских гибеллинов (неслучайно его появление в дантовском «Рае»).

Надо заметить, что и сам папа Иннокентий также выходил за пределы собственно канонического права, что проявилось в самом тексте отлучения Фридриха, в котором его неверность заключенному пакту ставилась на первое место — до обвинений в вероотступничестве. Подобная риторика служила дополнительным аргументом для делегитимации носителя императорской власти, поскольку апеллировала к понятным для вассалов Фридрихам ценностям верности и клятвенному преступлению как причине Божьего проклятия.

Работая над текстом *Liber Augustalis*, помощники Фридриха (главный из которых — знаменитый персонаж того же Данте Пьетро делла Винья) стремились предоставить Церкви и её клиру максимально возможное для безопасности императорской власти место. Однако само это место могло находиться лишь в пределах империи, а не Церкви. Неограниченная власть монарха зиждилась в представлении составителей *Liber Augustalis* на его роли проводника Божьего промысла как в жизни отдельного человека, так и в судьбе всего христианского мира. Только Богу, как утверждала преамбула сборника, отдаёт монарх отчёт о своей деятельности защитника Церкви — но не Его заместителю на земле.

Нахождение Церкви внутри империи, на её территории, предопределяет её подчинение как земного института главе этой империи. Здесь Фридрих II использует те же образы, что и папская риторика: «Подобно тому как Бог Отец проявляет Себя во Христе, так и справедливость проявляет себя в императоре. Подобно тому, как Христос основал Свою

61 История Средневековья: энциклопедия под редакцией Умберто Эко. М., 2015. С. 231.

Церковь, так и император основал свою империю»⁶². Понятие справедливости в этой связи напрямую отсылает к древнеримской рефлексии о смысле права, восходящей к республиканской теории Цицерона.

Иными словами, в столкновении императора Фридриха II и папы Иннокентия IV мы видим конфликт двух претендентов на представительство Божьей воли в деле обустройства христианского сообщества. Если с теоретическим обоснованием этих претензий с той и иной стороны всё представляется исследованным, то тем интереснее взглянуть на их верификацию в области отношений с иными монархами, не претендовавшими на столь абсолютное представительство.

Дипломатические отношения императора Фридриха напрямую зависели от его шагов по достижению главных целей царствования: укреплению сицилийской монархии и конкурентной борьбе империи и папства. Самый выдающийся монарх его времени, французский король Людовик IX Святой, в этом смысле вызывал у Фридриха вполне понятные надежды на союз против папы. Эти надежды частично оправдались, но уже после смерти и Фридриха, и Иннокентия — Прагматическая санкция 1269 года, провозгласившая финансовую независимость церковных организаций королевства от Рима, фактически заложила основы галликанизма. В то же время король Людовик подчёркнуто вежливо относился к папе Иннокентию во время его пребывания в Лионе, испрашивал у него благословения на очередной (неудачный) крестовый поход и посылал подробные отчеты о боевых действиях в Египте.

Более наглядным примером служит заинтересованность как папы, так и императора, в поддержке никейского василевса Иоанна III Дуки Ватаца. Будучи зятем императора Фридриха (что также вменялось последнему в вину при отлучении на Лионском соборе), Иоанн Ватац откровенно ставил свои политические амбиции выше догматических расхождений с престолом Рима. Именно это давало ему простор для формирования различных политических комбинаций с участием римского понтифика, германского императора, никейского и латинского патриархов в Константинополе и т. д. Шантажируя Иннокентия IV союзом с Фридрихом, Иоанн Ватац вытребовал у папы обещание уничтожить в Константинополе латинскую иерархию в случае перехода города под власть никейцев (ответ понтифика подразумевал компромиссный вариант сосуществования глав двух иерархий на одной территории Константинополя).

62 Цит. по: Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 400.

Византийское коварство возмутило Фридриха, укорившего зятя в сепаратных переговорах с «носителем папского имени» и даже напомнившего (!) византийскому василевсу о вражде понтифика к православии. Это напоминание вскоре оказалось действенным, поскольку после отказа от переговоров Иоанн III получил угрозу нового крестового похода против Никеи и обнуления всех прежних договорённостей с папой.

Аналогичным образом строились папские отношения с иными православными правителями — Даниилом Галицким и св. князем Александром Невским. Первый из них осознавал зависимость от папской власти в случае получения из Рима королевской короны без реальной помощи против монголо-татарской угрозы, хотя, как и никейский василевс, готов был на унию с Римом. В случае успеха унии, согласно папской канонической теории, князь Даниил изымался из числа правителей земель неверных и включался в число князей христианского мира. Свидетельством такого взгляда служат известные три послания папы Иннокентия галицко-волынским князьям от 27 августа 1247 года. Б. Н. Флоря специально выделяет их как пример права папской курии распоряжаться землями язычников и передавать их христианским государям. И если преемник Иннокентия папа Александр IV прямо уравнивает земли язычников и земли схизматиков как равно нехристианские, то уже и Иннокентий IV в упомянутых посланиях передавал галицким князьям *своею властью понтифика* изъятые у неподчинившихся римскому престолу православных князей земли. «Распоряжение это, — пишет исследователь, — было благоприятно для князя Даниила Галицкого, но в нём проявилось притязание папы на роль своего рода высшего арбитра в спорах между князьями. Он может отбирать земли у тех князей, кто не признали авторитета Римской Церкви, и передавать их тем, кто этот авторитет признали»⁶³.

Совершенно понятна в таком контексте реакция святого князя Александра Невского на аналогичное послание папы Иннокентия, полученное год спустя. Текст этого первого послания (*Pater futuri seculi* от 22 января 1248 года), хорошо известный и проанализированный специалистами, также следует рассматривать в рамках той политической и канонической теории, носителем которой был папа Иннокентий IV. В этом послании понтифик призывает русского князя «в своем повиновении нам, мало того — Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным

63 Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М., 2007. С. 205–206.

он ни был, не поступится своею честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величие служить стремится»⁶⁴. Требование подчиниться римскому престолу соседствует здесь с требованием военной коммуникации с Тевтонским орденом в общей антимонгольской коалиции.

Второе послание тому же адресату (*Aperuit Dominus oculos* от 15 сентября 1248 года) также демонстрирует уверенность Иннокентия IV в папском престоле как источнике власти всех земных государей, которые могут быть причислены к христианским правителям. Правом такого отбора понтифик обладает в силу того, что ключи от райских врат «Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, Римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь, как Матерь нашей веры, и не почитающих Папу — наместника Христа, с сердцем, исполненным послушанием и радости. А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви»⁶⁵.

Однако поездка св. князя Александра в ставку монгольского хана, убедившая его в силе новой империи, отсутствие явной помощи признавшему папский примат галицко-волынскому князю со стороны римского престола, содержащееся в том же втором послании требование открыть кафедральный храм в Пскове, который служил бы форпостом латинской экспансии в его княжестве, — все эти отмеченные историками⁶⁶ факторы повлияли на отказ от той благожелательной в отношении римского престола риторики, которая могла иметь место в устных договоренностях с папскими легатами при их встрече в Каракоруме с отцом святого князя.

Интересно также рассмотреть ситуацию общения римского папы с правителями, лишь *потенциально* могущими стать христианами. Известный сюжет с дипломатической (естественно, униональной) миссией

64 Русский перевод первого послания папы Иннокентия IV цитируется по изданию: *Рожко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послание папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. П., 1988. № 20. С. 103. Ранее тексты обоих посланий публиковались в изданиях: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностр. архивов и б-к А. И. Тургеневым = *Historica Russiae Monumenta*. СПб., 1841. Т. 1. № 77, 78; *Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem H. Kruus*. Tallinn, 1971. С. 136–138.

65 Там же. С. 108.

66 См., например: *Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993. С. 7–11.

к несторианскому патриарху Симеону Раббану Атою и контакты францисканца Плато Карпини с самим великим ханом в Каракоруме может свидетельствовать о важности для Иннокентия IV любой возможности продемонстрировать своё высшее положение в отношении даже тех правителей, которые сами требовали подчинения своей власти или ставили условием объединения примирение папы с императором (как тот же несторианский патриарх).

Как верно отмечает Ф. Кардини, знаменитые легенды о христианском царстве пресвитера Иоанна, возвращение мощей свв. волхвов в Кельне как истинной цели западного похода монгольских войск и наличие в последних несториан, «давали надежду и желание найти общий язык со степным народом, опираясь на связывающую их христианскую веру, истинную или воображаемую»⁶⁷. Именно это, по мысли того же медиевиста, заставило отказаться Иннокентия IV от идеи крестового похода против монгольской империи в пользу установления дипломатических отношений.

Таким образом, можно констатировать, что претензии папы Иннокентия IV на *plenitudo potestatis* подкреплялись как его теоретическими сочинениями, так и практическими действиями. К первым относятся комментарий «Apparatus», текст отлучения императора Фридриха II, папские послания некаатолическим правителям и т. д. Ко вторым относятся те шаги, которые наглядно должны были продемонстрировать не только верховенство власти понтифика, но и её единственность — все конкуренты, претендующие на обладание равной земной властью делегитимировались и буквально демонизировались (срв. отлучение Фридриха II и его отождествление с антихристом в последующих полемических трактатах).

Подобные претензии, оспариваемые даже в рамках той же цивилизационной модели западного средневекового христианства, ни при каких условиях не могли найти понимания в Древней Руси, свидетельством чему и служит реакция св. князя Александра Невского на попытку внесения такой модели папской юрисдикции в чуждую для неё православную политику.

67 Кардини Ф. Путеводитель по Средневековью. М., 2012. С. 224.

Библиография

- Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностр. архивов и б-к А. И. Тургеневым = *Historica Russiae Monumenta*. СПб., 1841. Т. 1. № 77, 78.
- Берман Г. Д.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Моск. ун-та, ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
- Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993. С. 7–11.
- Данте Алигьери.* Монархия / пер. В. Зубова // *Данте А.* Малые произведения / подгот. изд. И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968. С. 305–362.
- История Средневековья: энциклопедия / под редакцией Умберто Эко; [пер. с итал. Т. Никитинской и др.]. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
- Казбекова Е. В.* Вклад Иннокентия IV в развитие канонического права XIII в. (на материале Новелл) // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 105–126.
- Канторович Э.* Император Фридрих II / пер. с нем. Л. Ланника и И. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Кардини Ф.* Путеводитель по Средневековью. М.: Вече, 2012.
- Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem N. Kruus*. Tallinn, 1971. С. 136–138.
- Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послание папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. П., 1988. № 20. С. 92–114.
- Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова; под науч. ред. В. В. Софронова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Суни М.* Лекции по средневековой философии. Вып. 2: Средневековая политическая философия Запада / пер. А. Лявданский, М. Кравченко. М.: Институт св. Фомы, 2006.
- Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007.